

КУРЬЕР КИМа

Редакция журнала «Вокруг света» предложила мне опубликовать в этом номере перевод заметки, написанной мною для органа германского комсомола «Юнге гарде» в феврале 1921 года. Если не ошибаюсь, это было мое первое напечатанное литературное произведение.

То, о чем я рассказывал в «Юнге гарде», произошло со мной почти полвека назад — летом 1920 года. Я был тогда международным курьером КИМа — Коммунистического интернационала молодежи. КИМ был основан за год до этого юными учениками В. И. Ленина. Секции Интернационала работали в разных странах мира, собирая в своих рядах молодых революционеров из рабочих, студентов и старших школьников. КИМ был основан в ноябре 1919 года на тайном съезде в Берлине, на котором присутствовали делегаты из тринадцати стран, представлявшие 219 тысяч комсомольцев. Самой крупной организацией был советский комсомол, и руководство КИМа было вскоре перенесено в Москву, где В. И. Ленин своими советами лично помогал движению.

По поручению исполкома КИМа я отправился из Берлина в Москву. Тогда это было довольно сложное путешествие. Советская республика была отрезана от Западной Европы так называемым «санитарным кордоном» антисоветских правительств. Все государства за кордоном были нашими врагами, и ехать приходилось нелегально.

Я благополучно пробрался через границу между Германией и тогдашней буржуазной Литвой, потом на подводах через литовско-польскую границу. С белой Польшей мы тогда находились в состоянии войны. Схватили меня в оккупированном белополяками белорусском городе Слуцке: в заметке для «Юнге гарде» я, конечно, не мог сказать, где все это происходило. Город, в который меня потом перевезли из Слуцка, был Бобруйск. Он находился уже на самой линии советско-польского фронта. Я до сих пор помню имя и фамилию крестьянина, который сидел вместе со мной в камере в Слуцке: Василий Бахта.

Вернувшись в конце года в Германию — тоже нелегально, но уже другим путем: через Балтийское море, спрятавшись в трюме зашедшего в

Ленинград (тогда еще Петроград) немецкого корабля, — я рассказал моим германским товарищам, как меня схватили и как мне удалось спастись. Они попросили меня написать об этом. Я написал как мог.

Сегодня, конечно, я нашел бы для этого рассказа другие слова: все было намного любопытнее и сложнее, чем можно прочесть в заметке. Но, думаю, все же лучше оставить так, как было написано 16-летним мальчишкой.

Хочу подчеркнуть, что в том, что со мной произошло, не было по тем временам ничего необычного. Я был лишь одним из многих комсомольцев, советских или зарубежных, которые так вступали в политическую жизнь. В таких странах, как Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Румыния и другие, где взрослые и молодые коммунисты работали в то время подпольно, арест и бегство из-под ареста были почти в порядке вещей. То, о чем могли рассказать советские комсомольцы, работавшие в годы гражданской войны в тылу белогвардейцев, было намного необычнее.

Я был одним из тех, кому повезло: выбрался из беды целым, хотя в том, что попал в нее, был, несомненно, больше всего виноват сам. Несмотря на предостережения старших товарищей, я носил слишком длинные волосы и тем, вероятно, навлек на себя подозрения жандармов, считавших это тогда приметой революционера. Об этом, как вы заметите, я в своей заметке не написал: в Берлин я вернулся уже коротко остриженным и с тех пор никогда длинных волос не носил.

Я вспоминаю о моих друзьях-комсомольцах тех лет. В живых не осталось почти никого. Сколько среди них было чудесных ребят — смелых, талантливых, готовых без колебаний пожертвовать собой для дела! Это были молодогвардейцы первого призыва. Революция была их страстью, их целью и смыслом жизни. Когда я думаю о некоторых из них, мне вспоминается Гаврош из романа Гюго.

Я думаю, что ребята с таким характером есть и сегодня и что они будут всегда.

ЭРНСТ ГЕНРИ

Сентябрь 1969 г.

АРЕСТ

Вот он, собака!
Голос был так резок и груб, что я чуть не оглох.

— Ну что, птеник, попался?! Пошли!

Затем последовал удар прикладом. Два здоровенных польских жандарма схватили меня за руки и поволокли. Их штывы сверкали на солнце, и от этого я чувствовал себя еще хуже. Все это было так неожиданно. Я был арестован прямо на улице. Самое главное, я понимал, что влип действительно крепко. Я не знал, что мне делать.

Жандармы привели меня к серому зданию, втолкнули в него и потащили вверх по лестнице в кабинет. Посреди комнаты стоял стол, за кото-

рым сидели пять жандармских офицеров и весело беседовали между собой. На подоконнике я увидел большой портфель и бутылку с вином.

Начался допрос, сопровождаемый побоями. Из него я понял, что меня обвиняют в страшном преступлении — принадлежности к коммунистической партии. Я знал, что быть коммунистом в белой Польше — это значит находиться вне закона. Я отрицал все обвинения. Тогда жандармы увели меня в соседнюю комнату и снова стали выколачивать из меня признание. Я отвечал, что ничего не знаю, ничего не сделал и являюсь жертвой досадной ошибки. Побой белополякам не помогли. Я подписал протокол, и жандармы проводили меня по лестнице вниз. Только не на свободу, а в городскую тюрьму.

В ТЮРЬМЕ

Четырехугольное серое помещение, в нем вместо окна маленькая дыра, вместо постели доски. Это была моя новая квартира. Настроение у меня было скверное, и будущее казалось довольно неудобным. Белополяки — худшие из реакционеров и обычно выносят коммунисту только один приговор — расстрел. Единственным спасением могло быть бегство, и я крепко о нем призадумался. Меня арестовали в маленьком белорусском городе с населением не более двадцати тысяч человек. Здесь же размещались сотни польских жандармов, терроризировавших всю округу. В этом районе недавно вспыхнуло крестьянское восстание. Белополяки подавили его и залили район кровью. Они зверствовали, и теперь тюрьма была забита повстанцами. Первые две недели я сидел в одиночке, затем в мою камеру бросили еще двух арестованных белорусов. Они знали, какая судьба их ждет, и сидели молча, полные ненависти и гнева. Каждое утро приходили белополяки и уводили их на допрос. Их били железными прутьями по пяткам и спине, потом перевязывали, чтобы на следующее утро подвергнуть новым пыткам.

Я сидел здесь три недели, затем меня перевели в соседний город, побольше, где находился окружной суд. Польско-советская линия фронта проходила от него в нескольких километрах. Меня везли в телеге крепко связанным. Попытка к бегству была исключена. В новой тюрьме меня посадили вместе с осужденными спекулянтами.

ПОБЕГ

За несколько дней до военно-полевого суда мне удалось через одного выпущенного на свободу товарища связаться с подпольной партийной орга-

низацией в городе. Товарищи подкупили часовых, и мне удалось бежать. С помощью крестьянина-большевика я пешком пошел из города в деревню, находившуюся от него в семи километрах, но совсем рядом с линией фронта. Фронт проходил по реке, за ней была советская земля. Крестьянин спрятал меня в стоге сена, дал хлеба и сказал, что придет, когда можно будет перейти фронт.

Это было тяжелое испытание. Почти три дня я пролежал в стогу. Метрах в пятистах от меня находилась польская батарея, и польские связные скакали все время мимо моего убежища. Я вздрагивал каждый раз, когда раздавались залпы орудий или вблизи слышалось ржание лошадей. Было сыро, и кожа на лице скоро воспалилась.

Приближалось третье утро, когда где-то позади раздался свист. Это был сигнал! Я вылез из стога и пополз в сторону реки. Добравшись до кустов на берегу, я увидел моего крестьянина и еще несколько почти неразличимых фигур. Они тихо переговаривались между собой, у каждого за плечами был груз. Я спросил, что они несут, и по их сердитым лицам понял, что мой вопрос был неуместным. Крестьянин шепнул мне, что это контрабандисты, переправляющие сахарин, что мне надо помалкивать.

Было еще очень темно, впереди не видно ни зги. Две тени исчезли в темноте. Через некоторое время послышался всплеск. Я с трудом различил лодку, подошедшую к берегу. Лодка отвезла нас на противоположный берег. Еще по дороге крестьянин сказал мне, что почти каждую неделю контрабандисты переходят линию фронта. Каждый раз ради денег они рисковали жизнью.

Через пять минут мы были на другом берегу. Мне захотелось крикнуть на весь мир:

— Да здравствует борьба! Да здравствует революция!

Рисунки П. ПАВЛОВА

ВОКРУГ СВЕТА

11 1969
НОЯБРЬ

ЛЕНИНГРАД

с.с.с.р
путник
 бюро международного
 молодежного туризма

59

В городе на Неве, колыбели революции, много памятных мест, связанных с именем великого Ленина.

Цена 60 коп.

Индекс 70142

СОДЕРЖАНИЕ

ВИТАЛИЙ ВОЛОВИЧ — ...На шлюпке в океане	2
А. ШАМАРО — Атлас Ленина. «Лейла» идет в Гурьев	10
Т. РАСС — Голубые плантации планеты	14
Живущие на воде	16
ГЭВИН МАКСВЕЛЛ — Камышовый народ	17
Что осталось от уру?	20
Ближний недоступный берег	22
Дагомейские гондольеры	24
Вагения — ночные люди	26
Пешком по океану	28
Пасынки реки-моря	28
ЭРНСТ ГЕНРИ — Курьер КИМа	32
ДОРОТИ ХЬЮЕТТ — Этот сумасшедший буш	34
ВИЛЛИ БРЕЙНХОЛСТ — Мы, скандинавы...	39
ГАРРИ ТЮРК — Заоблачный перевал	42
ДУКЕНБАЙ ДОСЖАНОВ — Путешествие за книгами Отрара	49
И. МОЖЕЙКО — Сказ о последних землепроходцах, ис- кавших таинственную Беловодию	50
М. ВОЛОДИН — Красота живой геометрии	52
Л. МИНЦ — Кетсаль умирает в неволе	56
В. МАЛОВ — Минерал-призрак	59
Загадки, проекты, открытия	59
В. ДАРКЕВИЧ — Клады Старой Рязани	60
УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ — Повелитель мух	64
Пестрый мир	78
Листая старые страницы	78
Всепожирающая	80

На первой странице обложки:
Среди архангельских лесов. Караван лесовозов на зимней дороге
ночью. Фото В. ОРЛОВА

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии:

В. И. АККУРАТОВ, А. В. ГУСЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
М. М. КОНДРАТЬЕВА, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, А. А. НОДИЯ (заместитель
главного редактора), Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь),
А. И. СОЛОВЬЕВ, Л. А. ЧЕШКОВА, В. М. ЧИЧКОВ, Г. И. ЯНАЕВ.

Оформление А. Гусева и Т. Гороховской

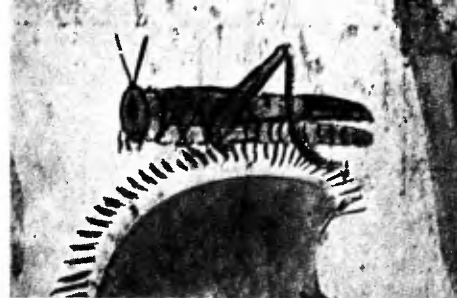
Рукописи не возвращаются. Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сушевская, 21. Телефон для справок:
251-15-00, доб. 2-29; отделы: «Наша Родина» — 4-09; иностранный —
2-85; литературы — 3-58; 3-93; науки — 3-38; писем — 2-68; иллю-
страций — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10.

Сдано в набор 8/IX 1969 г. Подп. к печ. 9/X 1969 г. А10924.
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 5 (усл. 8,4). Уч.-изд. л. 12.
Тираж 2 700 000 экз. Заказ 1756. Цена 60 коп.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сушевская, 21.

ВСЕПОЖИРАЮЩАЯ

Этому гадкому насекомому да-
вали издавна прозвища монументаль-
ные, библейские: казнь еги-
петская! челюсти ветра! Еще
в четырнадцатом веке до нашей эры
его изображение поместили на
гробнице египетского фараона Ха-
ремхеба. Еще пророк Магомет по-
святил ему вещие строки, обнару-
живая в них хорошее знание эн-
томологии: «Мы, армия Аллаха,
мы откладываем по 99 яиц, а
если сотня станет полной, мы по-
корим мир и все, что есть в нем».

Небесные силы призывал себе
на помощь человек, изверившись
в изнурительной борьбе в силах
собственных. Чуть ли не все, что
было изобретено на Земле, успел
человек опробовать в своей борь-
бе со злоеющим насекомым. Он
травил его дымом, жег из огнеме-
тов, осаждал артиллерией, втапты-
вал паровыми катками... Ничто не
помогало.

Да и попробуйте одолеть про-
тивника...

если он до поры до времени
(точнее, до поры обильных дож-
дей) являет собой милое создание,
любимца детей — точь-в-точь
обыкновенный кузнечик. Едва же
дожди пропитают песок пустынь
и сухую землю бушей, как «куз-
нечик» сбрасывает с себя личину
и из зеленого становится желтым,
черным, красным!

если он при обычном «веке»
в четыре месяца способен (при за-
сухе, при неожиданных холодах)
затормозить все жизненные про-
цессы и продлить свою жизнь до
года!

если он (точнее, она — самка)
откладывает за свою недолгую
жизнь по 200 яиц!

если он обладает дьявольским
«нюхом» и чует любую травинку
издалека!

если он способен лететь 12 ча-
сов кряду и при хороших ветрах
может за свою короткую жизнь
преодолеть 3000 миль!

если он при благоприятных ус-
ловиях (дожди и ветры) мог бы
отмобилизовать армию, способную
завоевать пятую часть земной
тверди, на которой проживает од-
на десятая всех жителей планеты!

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

